

КОМИТАСОВСКИЙ ЦИКЛ ГРИГОРА ХАНДЖЯНА “НЕСМОЛКАЕМАЯ КОЛОКОЛЬНЯ”

ГАМАГЕЛЯН В.М.

В творчестве выдающегося армянского художника Григора Ханджяна среди многих известных произведений, особенно графических, есть одно, которое силой художественного претворения (воплощения), своей значимостью и всеобщим признанием возводит его в ранг непреходящих ценностей. Это комитасовский цикл художника – иллюстрации к поэме Паруйра Севака “Несмолкаемая колокольня”, выполненные в середине 60-ых годов и изданные в виде книги в 1964-ом году. История издания книги ценой преодоления больших трудностей общеизвестна. Известен также факт огромного патриотического подъема, вызванного этим великим произведением искусства. Сильнейший резонанс был вызван не только поэтическим пафосом и патриотическим содержанием поэмы, но и равнозначными по художественности образными воплощениями Ханджяна.

В современной армянской литературе поэма Севака явилась первой, воплотившей в поэтической, образной форме обширнейший исторический материал. При этом освещение событий исторического прошлого в поэме произведено не с помощью описания, а путем проникновения в причинные, порождающие их связи, путем раскрытия исторической судьбы народа через его внутреннее состояние, его мироощущение. Выразителем такого мироощущения в поэме явился ее главный герой – Комитас, композитор, исполнитель, фольклорист.

Комитас, очистив от всего наносного национальную музыку, песни, собрав по крупицам из недр народного творчества музыкальные перлы, разработал их и преподнес своему же народу, явив тем самым самостоятельное, самобытное творческое лицо нации. Однако Комитас взволновал писателя не только как гениальная личность, но и как чело-

век незаурядной судьбы. Севак отмечает: “Редко бывает, когда биография поэта или артиста столь же замечательна, как и его творчество, чтобы биография эта стала бы отражением данной эпохи и судьбы народа. Жизнь Комитаса является таким исключением...”¹.

Основная идея и тема поэмы – тема общности героя с народом и их бессмертия – раскрывается с помощью варьирования ее во многих подтемах, которые на протяжении всей поэмы перемежаются, звучат параллельно или доминируют друг над другом. В этом сплетении тем и их развитии, стимулируемом борьбой антагонистических идей, рождаются сюжет и фабула поэмы. В процессе развития раскрываются: тема сиротства, страдания, боли; жизнеутверждающая тема природной одаренности; тема разрушительной стихии, варварства и, в противовес этому – сил народной мудрости, жизнелюбия, созидания; тема душевной драмы героя; тема народа во всей широте и глубине охвата – народного крестьянского быта, психологии характера; тема природы, сопутствующей всем событиям человеческой жизни; тема столкновения личности с темными силами общества; тема уничтожения, истребления; тема противостояния, героизма, возрождения и т.д. Многообразными вариантами и оттенками эти темы переходят из главы в главу, как бы из перезвона в перезвон, неся в себе внутренний конфликт – идею борьбы разрушающих и жизнеутверждающих сил. Темные силы отменяют светлые, свет одолевает тьму, в схватке их рождается мощный раскат звуков – перезвон колоколов, образов поэмы. Замечательно то, что идея противоборства двух начал – добра и зла – воплощается в поэме картинами жизненно убедительными, конкретными и типичными. Ритмика и мелодия стиха меняются в главах соответственно развивающейся теме, стиха, симфонически многозвучного, часто основанного на разработке какой-либо народной песни. Стих звучит величаво, торжественно в “Благовестном звоне”; скорбно патетически – в “Звоне сирот-

¹ Аристакесян А. Паруйр Севак, Е., 1984, с. 152.

ства”, ликующе – в “Звоне ликования”, раскатисто-гневно – в “Звоне пробуждения”.

Тема героя вводится с первых строк поэмы и сразу же ей вторит тема Родины, народа, общности судеб. Внутренний конструктивный принцип построения поэмы – сведение противоречивых начал – действителен и на уровне организации образа главного героя. В сложном, но цельном образе Комитаса тема борьбы раскрывается через внутренний душевный конфликт героя и через столкновение его с жизненными обстоятельствами. Человек незаурядной, тонкой, отзывчивой души, на протяжении всей жизни переносит удары и терпит превратности судьбы. Сначала сиротство, затем стены церковной кельи обрекают его на одиночество и подготавливают душевную драму героя. Обладая крохотными жизненными силами, он, будучи неестественно отлученным от мирской жизни, сохраняет беспрекословную верность долгу – служению церкви, богу. Одержимый идеей просвещения, Комитас вынужден беспрестанно вести борьбу с силами церковной реакции. Достигший, наконец, признания и славы, в зените творческих сил, он вынужден, испытав страшное горе – гибель своего народа, отойти от активной жизни.

Образ героя поэмы от начала до конца выдержан на высокой ноте драматического напряжения, граничащего с трагизмом. Личность композитора в поэме представлена теми качествами, которые характеризуют его как собирательный образ народного героя – носителя гения народа. По мнению поэта, воплощение такого значительного образа в одной картине невозможно. Необходим цикл, ряд картин, исчерпывающе характеризующих его. В поэме цикл создается на протяжении 46-ти частей, поэтапно раскрывающих душевное состояние героя, его психологию. Народные образы, картины крестьянской жизни соединяются с образом героя с помощью авторского слова, косвенно, незаметно объясняющего явления, обобщающего их, извлекающего их сущность. Подобным образом в поэме создается психологический портрет эпохи, на этом фоне выступает яркий, выпуклый образ гения, многогранно охарактеризованный на всех этапах жизни.

Художник Г. Ханджян, иллюстрировавший поэму Севака, оттолкнулся именно от этого многопластового и обобщенного прочтения образа Комитаса. Поставив во главу угла образ героя, художник от него стал развивать основные идейные, тематические и сюжетные линии. Внешне художник во многом отошел от подобия поэме, широкий энциклопедизм которой он сжал в содержательных обрисовках психологии героя, воспринимающего мир посредством мелодии, звуков.

Изобразительные образы связаны с поэтическими внутренними нитями, тянущимися из глубин обоих творений. Понимание образа Комитаса, выношенное художником, во многом самобытно, самостоятельно, однако в основных чертах созвучно севаковскому воплощению.

В ханджяновской интерпретации образ Комитаса стал как бы сплавом, синтезом поэтического с уже существующим в творческом воображении художника образом народного композитора. Руководствуясь севаковскими принципами сложения образа, Ханджян посредством девяти картин, запечатлевающих основные вехи жизни и творчества композитора, создал цельный, многогранно обрисованный изобразительный образ. Серию рисунков из девяти сцен художник построил в форме цикла песен. Этот принцип соответствует поэтической концепции, где лейтмотивом становятся народные песни: “Весна, а выпал снег кругом...”, “Эх, отрок бесприютный...”, “Журавль”, “Сонаяр” и др. Отголоском им звучат песни в рисунках: “Первая отроческая песня”, “Лирическая песнь”, “Песнь любви”, “Трудовая песнь”, “Свадебная песнь”, “Хормейстер”, “Песнь на чужбине (“Журавушка”)” и др. Песни эти – сказания, уже по задуманной форме своей являют собой глубоко поэтические рисунки, воплощающие одухотворенный образ композитора в состоянии творческого напряжения. В девяти ипостасях предстает перед зрителем великий Комитас, олицетворяющий собой дух красоты, величия и трагизма. Поэтические строки Севака могут стать своеобразным эпитафием к рисункам Ханджяна: “Где слышится песня – там всюду теперь Комитас...”. Образ композитора почти во всех рисунках связан с окружающей его средой и в основном крестьянской. И связь эта осуществляется через элемент песни. Всюду, где бы ни ока-

зался композитор, он напряженно вслушивается в песню – непосредственное выражение души армянского крестьянина. Однако композиционно в рисунках фигура Комитаса отделена от людского окружения. Он становится безмолвным и незамеченным свидетелем тяжелого крестьянского труда, удалого крестьянского веселья, игр, хороводов. Сохраняемая в рисунках “пауза” между композитором и народом продиктована поэтическим приемом введения образа в среду: на протяжении всей поэмы герой не произносит ни единого слова, и ощущаем мы его присутствие в сценах народной жизни лишь в возгласах и риторических обращениях поэта. Использованный в рисунках композиционный прием (объединения частей рисунка посредством белой полосы) позволил художнику остаться верным духу поэмы и воплотить те поэтические нюансы, которые трудно переводимы на язык изобразительный. Белая цезура проходит по середине разворотов и делит композицию на две части. Таким образом условно выделяется фигура композитора из среды и акцентируется его образ. При этом сохраняется естественное продолжение рисунка с одной части его в другую слева направо. Согласно ханджяновскому принципу книжной иллюстрации, композиция разворачивается почти по плоскости листа, изредка развивая более глубокие планы. Фигура композитора отделена от фона не иллюзорно-пространственно, а условно-ритмическим приемом. Художник добивается выражения идеи одновременного существования противоборствующих начал, внутренней борьбы героя. Всею душой герой стремится к людям, он и есть частица своего народа, но внутреннее напряжение сковывает силы, не позволяя ему соединиться с ним. Ханджяновский Комитас безмерно, почти трагически одинок не только по причине внешних обстоятельств (духовного сана), но и в большей мере в силу исключительности своей природы. Белая пауза выделяет мир души композитора и одновременно притягивает его к миру реальности, к миру звуков и ощущений. (В станковом варианте этих же рисунков правая и левая половины выполнены отдельными листами. В книге они связываются белой полосой). Оригинальный композиционный прием организует ритмику рисунка и вместе с живописной средой порождает музыкаль-

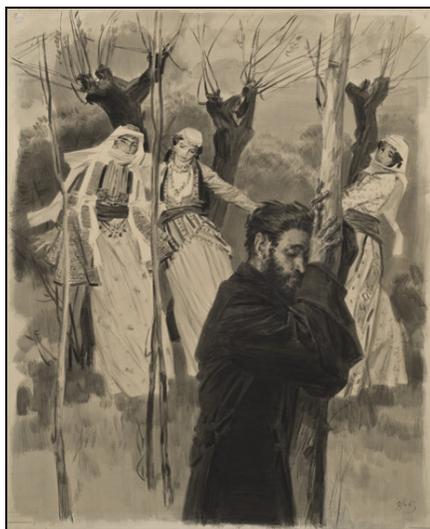
ные ассоциации. Песня, создающая психологическое натяжение между композитором и окружением, связывает его с людьми, эмоциональной средой. Принцип симфонизма и песенного многоголосия стиха перерабатываются художником в рисунке в виде сложных чувственно-эмоциональных соотношений, в образе всеобъемлющей мелодии. Ритмы поэзии синтезируются в рисунке и определяют большое внутреннее напряжение композиции. Они тесно связаны друг с другом благодаря существующему в них психологическому заряду, который быть может в большей степени способствует их единению, нежели сюжетно-повествовательное их сцепление. Лирический дух поэзии преобразуется в эмоциональный накал рисунка, и этим устанавливается равновесие, равноценные соотношения между поэтическим оригиналом и изобразительным перевоплощением.

В поэме “Несмолкаемая колокольня” широко разворачивается картина крестьянской жизни, быта, обычаев эпохи рубежа XIX-XX веков, картина природы Армении; даются метафорические образные зарисовки времен года. Сжато, но очень метко обрисован образ цивилизованной Европы, отражены события начала века, в том числе и кровавые события в Западной Армении. Художник, осмысливший поэму как выражение величайшей трагедии человеческой души, как гимн создающим, светлым началам жизни, сконцентрировал многообразие тем и проблем в девяти поэтически насыщенных рисунках. Мир реальности в них отражает душевную драму героя – это мир, воспринятый глазами Комитаса. В рисунках запечатлены события и состояния действительности: земледельческие работы крестьян, отдых и веселье, концертные зрительные залы, ландшафт Араратской долины и др. Однако все эти реалии внешнего мира выступают в связи с героем. Обрисовки народных сцен не являются самоцелью, поэтому они даются в сжатых, общих чертах.

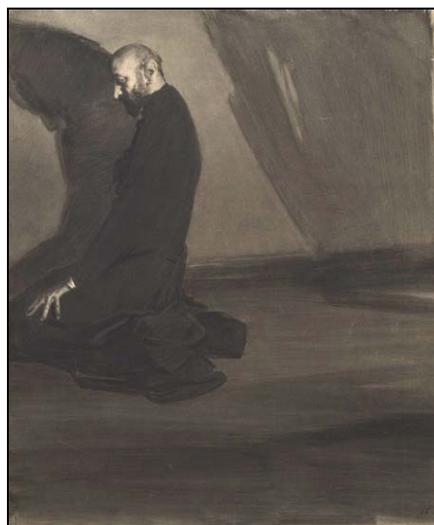
Как уже было отмечено, движущей, стержневой силой всех композиций становится идея диалектического единения противоборствующих начал. Однако, если идея борьбы в поэме стимулирует развитие тем и сюжета явственно, открыто, если противопоставление зла и

добра – резкое, полярное, то в рисунке – противоборство подспудное, психологически переживаемое. Композиции строятся не на противопоставлении, а на сопоставлении, качестве, усиливающем внутреннюю динамику рисунка. Она проявляется во всем комплексе изображения, начиная от композиционного приема соединения двух частей, кончая цвето-тоновыми решениями.

В возвышенном, богоподобном облике предстает молодой Комитас в лирической картине “Мечта”. Черты его отмечены печатью страдания и вдохновения. В крайнем напряжении духовных сил прислонился герой к дереву, слившись с природой, с музыкой. Томлением его объят весь окружающий мир, подернутый дымкой, подобный далекому видению: прекрасные, эфемерные феи – крестьянки, осенний ландшафт, оголенные деревья в причудливых изломах. Это сплетение воображения и реальности вторит напевам души Комитаса. Картина бесконечно поэтична, мелодична и одновременно драматична. Фигура композитора обособлена от окружения, влекущего его и уплывающего от него. Мягкая воздушная среда, окутывающая все изображение, роднит, сближает оба мира, растворяя их в мареве мечты. Размытые кистью полутона серого ассоциируются с нюансами легкого живописного валера. Серый тон, местами сгущающийся до черного и разрежающийся до белого, вылепляет пластические формы, затем опять растворяется в живописной атмосфере рисунка. Картина напоена поэзией и светлой мелодией. Особой музыкальностью и напряжением чувств пронизана следующая изобразительная плоскость, на которой разворачивается сцена концертного зала, где потрясенная публика внемлет звукам песен Комитаса. От хормейстера к слушающим растекается песня, единящая и очищающая души. Комитас растворился в звуках божественного пения и как бы воспарил душой в минуту трагически острого чувствования прекрасного. Образ маэстро в

1. Мечта (1963)

2. Помрачение (1963)

3. Трудовая песнь (1963)

4. Резня (1963)

трактовке Ханджяна, будучи реальным и узнаваемым в чертах, дематериализован, возведен в метафизические реалии, в которых и существует духовность. Подобно демиургу таинственным мановением рук он вбирает в ладони весь мир и возрождает его в перевоплощении искусства.

“Одухотворенная, обожествленная плоть” – таков Комитас в определении поэта, таков он в рисунке Ханджяна “Хормейстер”. В композиции изображение публики в европейском концертном зале намечено общими чертами, однако достаточно выразительными для передачи эмоциональной атмосферы. Образ же композитора, выполненный неуловимыми вибрациями света и тени, фрагментом рук и лица становится организующим нервом произведения и мощным кульминационным аккордом его созвучий. Движущиеся тени в полумраке зала, равнозначные появляющемуся и исчезающему строю голосов, своей тончайшей нюансировкой воссоздают настроение и состояние переполненности всех и вся возвышенным переживанием музыки, передающимся от маэстро к слушателю.

Драматическая тональность сгущается и нарастает в “Трудовой песне”, в которой страдания и боль души героя отражают жизненные невзгоды и злосчастную судьбу народа. Проходит Комитас по вспаханым полям, сосредоточенный и самоуглубленный. Он напряженно “прислушивается” к трудовым будням крестьян, полный внутреннего желания пригреть, приютить осиротевший, обездоленный свой народ. В “Трудовой песне” образ композитора обретает новое осмысление. Перед нами мыслитель, познающий и утверждающий себя в порождающих истоках и корнях и не ведающий счастья вне единения с родиной, с народом. Органическое внутреннее единство героя с землей выражено не только через изображенную среду, но, в особенности, посредством композиционных ритмов, периодичной повторяемости движений и пауз. Фигура Комитаса, в сущности, отделена от трехфигурной группы крестьян белой вертикальной полосой. Каждая из частей рисунка композиционно автономна. Однако идейную и эмоциональную полноценность они обретают в совместном, едином восприятии. Дей-

ствие развивается по диагональной направленности с левого глубинного края в правый передний, и находится оно в состоянии продолжения, продлевания, нескончаемого развертывания из глубины (глубина не иллюзорная, а психологическая) в невидимые пространства за пределами аванплана. Движение начинается с приближающейся фигуры крестьянина, через определенную паузу передается центральной группе, сравнительно статичной, и более расширенной паузой продолжается в движущейся фигуре композитора по направлению к зрителю. Обе крайние, слева и справа, фигуры композиции урезаны, фрагментированы, благодаря чему, с одной стороны, частично воссозданы обостренное чувство момента, с другой – восприятие вечного продолжения жизни, земли, народа. Ритмическая повторяемость движений и пауз от крестьян к композитору психологически усугубляет ощущение цикличности, возвращения к истокам, к почве, к корням. Рожденные из недр природы, крестьяне сообщают свою силу, энергию и мудрость восприемнику – сыну, он же развивает путь к природе, к земле.

Обрисовка пейзажа, обработка форм – обобщенные, без навязчивых подробностей. Все служит выражению основной идеи – нерасторжимой связи Комитаса с землей. Холмистые долины являют обобщенный образ родной земли; могучие крестьянские образы – типизированные образы тружеников земли. А образ пожилой крестьянки обобщает в себе идею Матери-земли, Матери-родины, продолжая тему, начатую с предыдущих иллюстраций к “Ранам Армении”.

Образ композитора в рисунке – насыщенное, яркое воплощение образа гения, порожденного и вскормленного землей и возвеличивающего народ до высот самосознания. Этим своим качеством “Трудовая песнь» наиболее явственно, открыто выражает основную тему поэмы.

Фигуры моделированы живописными полутоновыми переходами. Силуэты замкнуты, но не разобщены, благодаря использованию градаций серой тональности во всем изображении. Композиционно рисунок выполнен по классическим принципам уравновешенного распределения сил по поверхности листа, но экспрессией мазка, фрагментарностью, двусторчатостью построения он остро современен. Извечная

нравственно-философская тема получает своеобразное воплощение, которое, возможно, очень сложными опосредованиями уходит в традиции европейской средневековой иконописи. Отголоски традиций сказываются не только во внешнем оформлении – построении частей рисунка подобно закрывающейся двустворчатой иконе (по обратным сторонам листов сомкнутого разворота – белые, неисписанные страницы, выдерживающие единство организма рисунка), но и в сакральном характере самой воплощенной идеи – предначертанности, предрешенности судьбы героя, его ниспосланности гибнущему народу. Она обнаруживается прежде всего в драматической насыщенности изображенного.

Драматизм, присущий всем листам иллюстративного цикла, развивается по нарастающей и с неизбежной трагичностью разрешается в “Резне”. Ужасающие сцены насилия и убийства ввергают душу композитора в бездну нечеловеческих страданий, граничащих с помрачением, с провалом в небытие.

В гулко звенящем безмолвии окровавленной пустыни пронзительным криком раздается вопль души человеческой о поруганном и сокрушенном мире. Среди поваленных, изрубленных тел неверной поступью движется Комитас, с опущенными веками, босой, в растрепанной сутане. Ноги уводят Комитаса дальше, спасая от наваждения, тело его в сопротивлении тянет назад. Он весь отпрянул от кошмарных картин, не в силах до конца пережить эту боль.

Необычайные ракурсы распростертых тел и фигуры героя, разнонаправленное движение в нем до предела насыщают экспрессию рисунка. Рисунок выполнен ломкими, стремительными линиями, сообщающими силуэту нервную прерывистость, угловатость. Белая полоса в середине страницы пересекает изображение поваленных тел, разрезая их и тем усугубляя впечатление содеянного зла. Созданию атмосферы крайнего трагического накала способствует цветовое решение, которое, быть может, впервые за весь цикл иллюстраций построено на сильном столкновении черного и белого (однако в целом сдерживаемом пепельно-серым тоном). Соединение контрастных силуэтов с пла-

стически моделированными формами в композиции сообщает ее восприятию одновременное ощущение реальности и нереальности происходящего. Неглубокое, почти распластанное по поверхности листа пространство кажется воображаемой средой, в то же время пластические объемы и сокращения в перспективе подтверждают печальную реальность факта. Свершилось невиданное злодеяние: на глазах у человека растерзали весь его народ, его же живым приковали к кресту вечных мук и страданий.

Изображенная в рисунке трагедия воспринимается общечеловеческим бедствием, крушением нравственных и гуманных основ человеческого бытия.

И помрачился ум Гения, не выдержав земного ада. Коленопреклоненно поник он в углу комнаты, потрясенный, загнанный, безысходно одинокий. В последнем воплощении – в “Помрачении” – образ Комитаса доведен до апогея скорбного звучания. В воцарившейся тьме светлым излучением озарены голова и рука композитора, наклон и движение которых крайне остро выражают психологическое состояние его души. Арсенал выразительных средств в рисунке предельно ограниченный, детали – строго продуманы, доведены до минимума. Внутренняя атмосфера рисунка создается необычным освещением, экспрессией теней, четкостью силуэтов, крайне насыщенным, почти символическим осмыслением деталей.

Выросшее на стене силуэтное отражение согбенной фигуры Комитаса черным крылом касается лица его, зловеще возвышаясь над ним. Этот безликий двойник помраченной души героя властно расплывается по комнате, раздваивается, размножается в демонической переключке теней, наводя леденящую тоску. Отброшены некогда милые его душе флейта, изорваны в пылу безумия ноты. Смолкла музыка. Все погрузилось во мрак... Однако бумаги его освещены своим внутренним светом, явленная миру музыка его уже не смолкнет вовек. Бессмертна и душа композитора, которой не коснулась разрушительная сила тления. Напряженным внутренним борением осмысливается облик героя в противопоставлении с черным хаосом начертанного тенью безумия. Образ

Комитаса, благородный, светлый, утверждается в непримиримом противоборстве с мраком и безумием, взывая к состраданию и постижению всей глубины трагизма пережитой судьбы. Порожденное рисунком крайнее напряжение чувств через сопереживание разрешается душевным просветлением, сообщая изображению воистину рембрандтовскую катарсическую силу воздействия на зрителя.

Последняя страничная иллюстрация – “Помрачение” – не создает чувства поверженности и обреченности героя, перерастает своим значением сюжетный мотив изображения. Своим внутренним, подспудным содержанием эта композиция воплощает не только строки трагической биографии композитора, но и поэтический дух всей последующей главы, воспевающей возрожденные силы народа и его бессмертного героя. Так, поэтические строфы концентрируются в визуальном воплощении, изобразительные образы в свою очередь рождают поэтические, словесные ассоциации. И этим чередованием перевоплощений создается впечатление органического единства словесных и изобразительных образов. Последние непринужденно вплетаются в общую симфоническую канву поэмы, обогащая гармонию ее звучания. Поэтому взаимные ассоциации образов и чувств возникают столь естественно непринужденно, без напряжения памяти и воображения.

Перерожденные в графических изображениях дух и пафос поэмы проникают во все уровни исполнения – композиционно-конструктивный, идейный, эмоционально-чувственный. Подобной органичностью характеризуется вся система книги, завершенная и цельная.

ԳՐԻԳՈՐ ԽԱՆՁՅԱՆԻ «ԱՆԼՈՒԵԼԻ ԶԱՆԳԱԿԱՏՈՒՆ» ԿՈՄԻՏԱՍՅԱՆ ՇԱՐՔԸ

ԳԱՄԱԴԵԼՅԱՆ Վ.Մ.

Ամփոփում

1964 թվականը հայ իրականության մեջ նշանակալի դարձավ կարևոր մի իրադարձությամբ. լույս ընծայվեց Պարոյր Սևակի «Անլուելի զանգակա-

տուն» պոեմը: Այն ձևավորել և նկարագարողել էր հայ մեծանուն նկարիչ Գրիգոր Խանջյանը: Թե՛ պոեմը և թե՛ պատկերաշարը, ամփոփված գրքի ընդհանրության մեջ, այնպիսի գեղարվեստական արժեք էին ներկայացնում, որ ակամայից խթան դարձան 60-ականների կեսերին արդեն իսկ հասունացող ազգային զարթոնքին: Պոեմի հերոսը՝ հայ ազգի մեծ նվիրյալ Կոմիտասը, իր ժողովրդի հետ սերտորեն կապված լինելով, կրեց նաև վերջինիս ողբերգական ճակատագիրը: Նկարաշարում հերոսի կերպարը դրվագ առ դրվագ ձեռք է բերել այնպիսի ճշմարտացի մարմնավորում, որ ժամանակակիցները և գիտակաները այն համարել են համազոր, համահանճար պոետական տողերին:

THE KOMITAS CYCLE OF GRIGOR KHANJYAN'S “NEVER-SILENT BELL TOWER”

V. GAMAGHELYAN

Abstract

1964 became significant for the Armenian reality because of publication of Paruyr Sevak's "Never-silent bell tower", illustrated by the renowned Armenian artist Grigor Khanjian. Both the poem and the imagery of the book were of such a high artistic value, that already in the mid-sixties they unwittingly became stimulus for the maturing national awakening. Poem's hero, the great Armenian composer Komitas, being deeply connected with his nation, shared the tragic fate of it. In illustrations, scene by scene, the character of the hero received such a true embodiment, that by the contemporaries and connoisseurs they have been regarded as an equal and co-genius to the poetic stroke. The main purpose of this article is to discover the combinative edges of poetry and graphic arts and also the incarnations of Grigor Khanjyan's uniqueness.